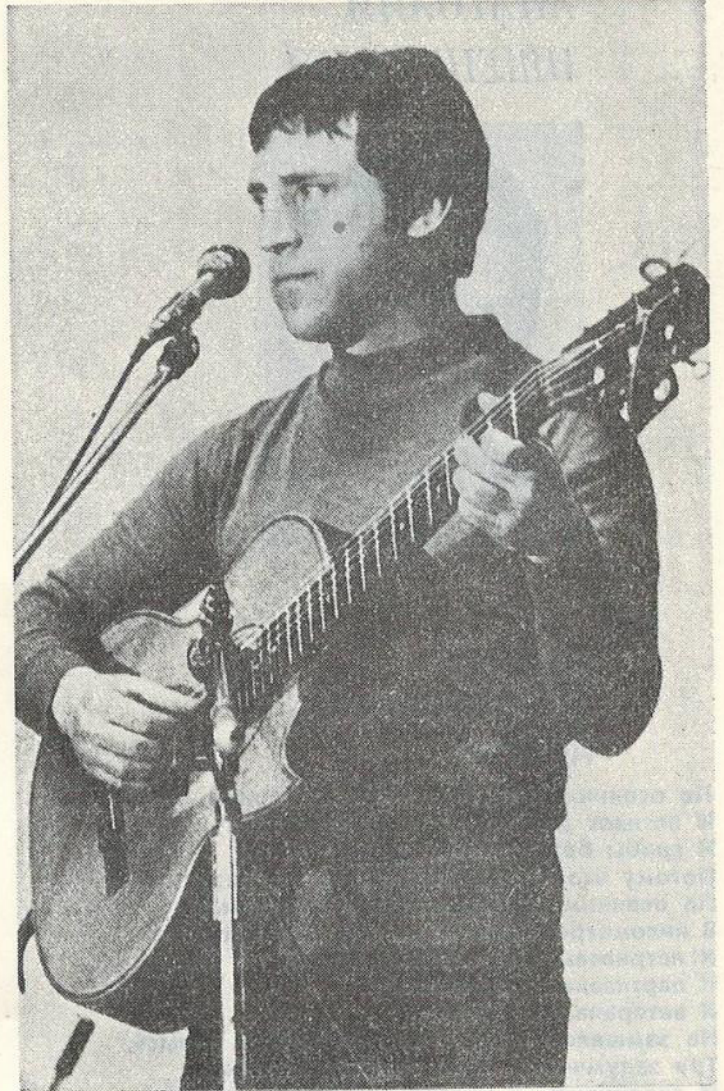

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

12 '86

ВЛАДИМИР
ВЫСОЦКИЙ

МОНОЛОГИ

Публицистика Высоцкого рождалась «глаза в глаза» со зрителями-слушателями. Он был всегда открыт и откровенен с ними. Сегодня мы вспомним записи концертных выступлений разных лет, сделанные в разных городах. Этих записей масса, и публикуемое сегодня можно значительно дополнить, ведь открытие Высоцкого будет продолжаться...

Перед микрофоном Владимир Высоцкий.
Автор снимка неизвестен.

Орошо бы зажечь свет в зрительном зале, чтобы я видел глаза, а то так будет похоже на какое-то банальное действие... Авторская песня — тут уж без обмана, тут будет стоять перед вами весь вечер один человек с гитарой, глаза в глаза... И расчет в авторской песне только на одно — на то, что вас беспокоят точно так же, как и меня, те же проблемы, судьбы человеческие, одни и те же мысли. И точно так же вам, как и мне, рвут душу и скребут по нервам несправедливости и горе людское... Короче говоря, все рассчитано на доверие. Вот что нужно для авторской песни: ваши глаза, уши и мое желание вам что-то рассказать, а ваше желание — услышать.

Авторская песня, видимо, — это настолько живое дело, что вы сразу же становитесь единым организмом с теми, кто сидит в зале. И вот, какой у этого организма пульс, — таким он мне и передается. Все зависит от нас с вами.

Если не будет людей, которым поешь, тогда это будет как у писателя, когда он сжег никому не читанный рассказ или роман... У меня точно так же:

вещах есть мой взгляд на мир, на проблемы, на людей, на события, о которых идет речь. Мой и только мой собственный взгляд... И это дает мне право говорить «я». Во-вторых, в отличие от многих моих собратьев, которые пишут стихи, я прежде всего актер и часто играю роли других людей, часто бываю в шкуре другого человека. Возможно, мне просто легче петь из чьего-то образа, поэтому всегда так откровенно и говорю: мне так удобнее петь — от имени определенного человека, определенного характера. И вы всегда можете увидеть этого человека; возможно, это и дает некоторым людям повод спрашивать, не скачал ли я когда-то вместо лошади... Нет, этого не было...

В детской пластинке «Алиса в стране чудес»... есть история попугая, который рассказывает, как он дошел до жизни такой, как он плавал, пиратом был и так далее... Я там за попугая пою сам. Это в принципе снимает многие вопросы: был ли я тем, от имени кого пою? Попугаем я не был — ни в прямом, ни в переносном смысле. Если говорить серьезно, я на самом деле никогда никому не подражал и считаю это занятие праздным... И вообще призываю всех людей, которые тоже пробуют свои силы в сочинительстве: пытайтесь как сами видите, как сами понима-

ете. Интересно и в жизни иметь дело с человеком, который сам личность, со своим мнением и суждением. А не попугай.

Иногда напишешь песню и вдруг видишь: сам ведешь себя... несоответственно. Вот, например, после того, как я написал «Балладу о переселении душ», стал приглядываться к собакам. Думаю: а вдруг это какой-нибудь бродячий музыкант раньше был? Или там кошек каких-нибудь видишь, думаешь, что это какие-нибудь дамы раньше были... определенные. И уже с ними ведешь себя по-другому.

Наши спортивные комментаторы иногда такие словосочетания употребляют — ну, невозможные в данной ситуации. Например: «Вот еще одну шайбу забросили наши чехословацкие друзья!» Я всегда думаю: «Ну почему друзья? Если забили шайбу нами — они соперники и противники, а друзья они «до того» и «после того». Вот что со словами бывает... Однажды один режиссер в Узбекистане работал с цы-

Володя Высоцкий в украинском городе Гайсине. Снимок 1950 года. Из архива Семена Владимировича Высоцкого.

написал — и, конечно, хочется, чтобы вы это услышали. Поэтому, когда говорю «дорогие товарищи» — я говорю искренне. Хотя это уже два затверженных, шаблонно звучащих слова. Все говорят «дорогие товарищи» или «товарищ, дайте прикурить». Это не такие «товарищи». Товарищи — это друзья, близкие, дорогие люди. И вот, когда обращаюсь так, я действительно говорю искренне, потому что дорожу своими слушателями. Вы мне нужны, возможно, даже больше, чем я вам. И если бы не было таких вот аудиторий у меня, я, наверно, бросил бы писать, как это делают многие люди, которые грешат стихами в юности. Я не бросил писать именно из-за вас.

Пишу песни о войне, конечно, не ретроспекции, а ассоциации. Если вы в них вслушаетесь, то увидите, что их сегодня можно петь, что люди из тех времен, ситуации из тех времен, а в общем, и идеи, и проблемы — наши, нынешние. Обращаюсь я в те времена просто потому, что мне интереснее брать людей, которые находятся в самой крайней ситуации: в момент риска, когда в следующую секунду можно заглянуть в лицо смерти; людей, у которых что-то сломалось, надорвалось. Короче говоря, людей на самом краю пропасти, на краю обрыва — шаг влево или шаг вправо — или по какому-то узкому канату идущих.

Вы никогда не обращали внимания, как по телевидению, во всяких кинопанорамах, разоблачают себя артисты, которые для вас были покрыты ореолом какой-то таинственности, недосказанности? Их спрашивают: «Как вы работаете над ролью?» Они отвечают: «Я вот с режиссером вместе, мы вместе подумали... что этот человек не просто плохой человек, он не может быть просто, он обязательно... в нем есть хорошее... И я стал искать, где он хороший, чтоб потом сказать...» И так далее. Зачем вы спрашиваете, что я думаю об искусстве, каковы его цели? Ну, гуманизм — цель искусства, конечно. И что? Вы же не хотите, чтобы я старался показаться умнее, чем есть на самом деле. Зачем? Все, что думаю об искусстве, и о жизни, и о людях, — все это заключено в моих песнях.

Я ее не очень сильно ощущаю, популярность. Дело в том, что когда продолжаешь работать, то нет времени на то, чтобы как-то обращать внимание на эти вещи. Чтобы перестать работать — есть именно этот способ: почить на лаврах и почувствовать популярность свою. Мне кажется, что, пока умею держать в руках карандаш, пока в голове еще что-то вертится, буду продолжать работать. Так что я избавлен от того, чтобы замечать, когда стал популярным. Не помню. В чем причина? Не знаю.

Один ответ возможен: когда пишу, рассчитываю на своих самых близких друзей... И абсолютно доверяю залу.

Собираюсь ли я выпускать книгу стихов?.. Я-то собираюсь. Сколько прособираюсь? Не знаю. А сколько будут собираться те, от кого это зависит, мне тем более неизвестно.

Знаете, чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделывать строчки и так далее, — лучше сидеть и писать. Вот так вот. Вместо того, чтобы становиться неудачником, которому не удастся напечататься. Зачем, когда можно писать и петь вам? Это ж то же самое...

А вы не думаете, что магнитофонные записи — это род литературы теперешней? Как знать, может, когда-нибудь будем телепатически передавать друг другу стихи — кому хочу, тому и прочитал...

Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве? Это только база. Человек должен быть наделен фантазией, чтобы творить. Он, конечно, творец и в том случае, если чего-то такое там рифмуется или пишет, основываясь только на фактах. Реализм такого рода был и есть. Но я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя. Жизненный опыт?.. Но представьте себе, какой был уж такой гигантский жизненный опыт у двадцатилетнего Лермонтова? Главное — свое видение мира.

Другой вопрос, можно ли создавать произведения искусства, обладая повышенной чувствительностью и восприимчивостью, но не имея жизненного опыта? Можно. Можно, но лучше его иметь... немножко. Потому что под жизненным опытом, наверно, понимается больше всего то, что она вас била молотком по голове, а если говорить серьезно — страдание. Искусства настоящего без страдания нет. И человек, который не выстрадал — не обязательно, что его притесняли или стреляли в него, мучили, забирали родственников и так далее, — такой человек творить не может. Но если он в душе, даже без внешних воздействий, испытывал это чувство страдания за людей, за близких, вообще за ситуацию, — это уже много значит. Это создает жизненный опыт. А страдать могут даже очень молодые люди. И очень сильно.

Имеют ли смысл пластинки, которые издаются там и не доходят сюда? Они очень даже доходят. Безусловно, они малоинтересны французам, не настолько, правда, как вы думаете. Но для них многое непонятно. Например, почему человек так тратится, даже в маленьком, узком кругу. Я ведь всегда пою одинаково — что в компании, когда два-три человека, что на гигантские аудитории. И они не могут никак понять — почему человек с набухшими жилами поет дома, что это? Что его так беспокоит?.. Не знают они наших проблем. Вернее, они их не волнуют. Особенно они не понимают, зачем песне заниматься этими проблемами.

Вот ты работаешь, сидишь ночью... Кто-то пошепчет тебе... написал строку... вымучиваешь... Потом песня с тобой — иногда она мучает месяца по два. Когда «Охоту на волков» писал — она меня замучила. Мне ночью снился — один припев. Я не знал, что буду писать. Два месяца звучало только: «Идет охота на волков, идет охота...»

И вот если на две чаши весов бросить — на одну чашу все, что делаю помимо песни, — это кино, театр, выступления, радио, телевидение и так далее, а на другую — только работу над песнями, то, думаю, песня перевесит. Потому что она все время с тобой живет, не дает возможности спокойно, так сказать, откинувшись где-нибудь, отдыхать. Она все время тебя гложет, пока ты ее не напишешь...

Однажды в одну компанию пришел весьма известный человек, и люди, которые там были, договорились подсчитать, сколько раз за минуту он произнесет слово «я». За первую минуту по секундомеру оказалось семь раз, за вторую минуту — восемь. Всегда боюсь впасть в крайность и думаю, что рискую говорить «я» вовсе не от «ячества», а, во-первых, потому, что в песнях моих есть много фантазии, много вымысла, а самое главное — во всех этих

ганским ансамблем и все говорил: «Товарищи цыгане, станьте сюда; товарищи цыгане, станьте туда...» А они ему: «Сейчас, товарищ узбек». И сразу все стало на место.

Люди обычно любят смешные истории про кино. У меня тоже есть смешные истории, например, про то, как меня били в фильме «713-й просит посадку», как режиссер просил делать все по-настоящему, а у оператора не ладилось, и сняли девять дублей... Но это все лирика... Конечно, и в каждой шуточной песне обязательно есть какая-то серьезная прокладка. Иначе нет смысла писать. Иначе не потянется рука к перу, а перо к бумаге. Сейчас реакция непосредственная, сиюминутная, больше на шутки, на юмор. А в записках больше всего просят серьезные вещи, потому что, видимо, они оседают глубже и потом снова начинают возвращаться к вам обратно.

Не удалось написать о космонавтах*, хотя меня очень просили, потому что это такая трагедия была всенародная, что надо внутренне хотя бы немножко приблизиться к такому подвигу: это же высокое, люди знали, на что шли... То, что слышу сейчас, — «он сказал: «Поехали!...» — это все понятно. Он так действительно сказал. Но зачем же рифмовать то, что было? Нужно найти какой-то философский смысл этих вещей. А так — на заказ — не получается.

Очень уважаю все, что сделал Шукшин. Знал его близко, встречался с ним часто, беседовал, спорил, и мне особенно обидно сегодня, что так и не удалось сняться ни в одном из его фильмов. Зато на всю жизнь останусь их самым постоянным зрителем. В данном случае это значит для меня больше, чем быть участником и исполнителем.

Я написал большие стихи по поводу Василия, которые должны были быть напечатаны в «Авроре». Но опять они мне предложили оставить меньше, чем я написал, и я отказался печатать не полностью. Считаю, что ее хорошо читать глазами, эту балладу. Ее жалко петь, жалко... Я с ним очень дружил, и как-то... я спел раз, а потом подумал, что, наверное, больше не надо.

Между эстрадной и авторской песней, как говорят в Одессе, две большие разницы, потому что эстрадная песня предполагает большой оркестр, зрелище. Все время там мигает большой свет... И если эту часть убрать из эстрадной песни — зрелищную часть, — она очень много потеряет. Обратите внимание: никому в голову не придет взять, положим, магнитофон и прийти на эстрадный концерт, записать, что поют, например, Кобзон или Магомаев, которых я уважаю. Просто, когда приносишь магнитофон домой, зрелище уходит, и песня многое теряет. Это происходит потому, что часто очень мало уделяют внимания словам эстрадные авторы. С текстами мало кто работает. Считается, что это, мол, и ни к чему даже... И иногда поют такую чушь! Я думаю, даже не понимают, чего поют. Что вижу — то пою. Знаете, как: «А вон ворона лети-й-и-т, А вон ворона лети-й-и-т, Сейчас будет дождь...» Как акыны. Но они раньше сочиняли. Только среди акынов был такой господин, который звался Гомер. Он прилично писал. Так что для этого тоже талант нужен. А чаще бывает, как в некоторых — я не могу сказать любимых — песнях, которые навязали в ушах. Ну, например, «Яблони в цвету — какое чудо...» — помните? Но так можно ведь

все что угодно, в строку: «Тополы в пуху — ка-ко-чу-у-до!» Что угодно...

У меня однажды был смешной случай, в Ленинграде. Мы спорили с одним товарищем. Он говорит: а что, слабо тебе выйти и спеть все песни — эстрадные? Я начал с песни «На тебе сошелся клином белый свет». Очень любопытная песня, верно? Там эта строчка три раза повторяется, потом «я могла бы побежать за поворот» — тоже три раза. Два автора текста. Оказывается, такая богатая информация, что едва хватило бы и четверых... В общем, минут через двадцать меня зрители чуть не убили.

Атмосфера в горах, особенно среди альпинистов, совсем другая, чем на равнине. Существует какая-то свобода выбора пути — как идти? Свобода выбора людей, с которыми идти. Понимаете? Никто не останавливает, милиция не скажет: «Здесь нельзя переходить — красный свет», — врач не запретит, семья не будет удерживать, что опасно, и так далее. Все зависит от тебя. Ты, природа и твои друзья — больше никого нет. Слово «дружба» там, в горах, сохранилось в первоначальном смысле. Наверное, в других местах тоже, но в горах — особенно. Это не название кафе, или клуба, или стенгазеты. Здесь это слово действительно то, что и должно из себя представлять. Иначе невозможно. Ты с ним в одной связке идешь, и все у него зависит от тебя, а у тебя — от него.

Я присутствовал при одном случае, когда во время восхождения на пик «Вольная Испания» группа команды ЦСКА из пяти человек попала под камнепад и одного убило насмерть... Мы помогали спускаться оставшейся группе. Трое суток, пока была непогода и не мог подлететь вертолет, двое товарищей погибшего стояли на карнизе в тридцать сантиметров, привязанные к скале, чтобы помогать спускать тело погибшего друга. И это не подвиг никакой, нет — это нормальная манера поведения в горах.

Дружба — это не значит каждый день друг другу звонить, здороваться и занимать рубли... Это просто желание узнавать друг о друге, что-то слышать и довольствоваться хотя бы тем, что вот мой друг здоров, и пускай еще здоровствует.

Недостатков, которых в людях не прощаю, много. Не хочу перечислять. Но: жадность, отсутствие позиций, которое ведет за собой очень много других пороков, отсутствие у человека твердых позиций, когда он не знает сам даже не только чего не хочет в этой жизни, а когда не имеет своего мнения и не может рассудить о людях, о смысле жизни, да о чем угодно.

В мужчинах ценю сочетание доброты, силы и ума, скажем так. Когда подписываю фотографии пацанам, ребятам и еще подросткам, даже детям, обязательно пишу им: «Вырасти сильным, умным и добрым». Вот такое сочетание.

Я бы хотел, чтобы зрители... понимали, как труден и драматичен путь к гармонии в человеческих отношениях. Я вообще целью своего творчества — и в кино, и в театре, и в песне — ставлю человеческое волнение. Только оно может помочь духовному совершенствованию.

Публикацию подготовил
Игорь ДЬЯКОВ.

* Добровольский, Волков, Пацаев.